

Научная статья

УДК 328; 94

doi: 10.17223/19988613/76/13

Закономерности и парадоксы Октябрьской революции 1917 года

Сергей Владимирович Бирюков^{1, 2, 3}, Андрей Владимирович Андреев⁴,
Александр Михайлович Барсуков⁵, Дмитрий Сергеевич Карпов⁶

¹ Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай

^{2, 5, 6} Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

³ Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ ГТРК «Кузбасс», Кемерово, Россия

^{1, 2, 3} birs.07@mail.ru

⁴ andreev@trk.kuzbass.net

⁵ amb2@inbox.ru

⁶ amb2@inbox.ru

Аннотация. Исследуются причины и противоречия, приведшие к Октябрьской революции 1917 года в России, которая рассматривается авторами как закономерное явление российской истории с точки зрения системного подхода. Выявляются и акцентируются присущие Октябрю 1917 г. парадоксы, показаны многомерность и неоднозначность этого явления. Проанализированы комплексные и многообразные политические последствия российской революции XX в. как для развития самой России, так и для мирового социально-политического развития.

Ключевые слова: Октябрьская революция, системный кризис, гражданская война, социальные трансформации, мировое развитие

Для цитирования: Бирюков С.В., Андреев А.В., Барсуков А.М., Карпов Д.С. Закономерности и парадоксы Октябрьской революции 1917 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 111–119. doi: 10.17223/19988613/76/13

Original article

Patterns and paradoxes of the October revolution of 1917

Sergey V. Biryukov^{1, 2, 3}, Andrey V. Andreev⁴, Aleksandr M. Barsukov⁵, Dmitriy S. Karpov⁶

¹ Center for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China

^{2, 5, 6} Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

³ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Kuzbass State Television and Radio Broadcasting Company, Kemerovo, Russian Federation

^{1, 2, 3} birs.07@mail.ru

⁴ andreev@trk.kuzbass.net

⁵ amb2@inbox.ru

⁶ amb2@inbox.ru

Abstract. The question of the historic role and importance of the October Revolution of 1917 is still a subject of both political and ideological discussions and debates within the academic community. The questions of the historical results of the 20th century for Russia, as well as of the specifics, consequences and prospects of the modernization process in our country are inseparably linked to the question of importance of the 1917 Revolution. According to the authors of the article, today we need systemic reflection of the causes and consequences of the October Revolution of 1917 with regard to internal dynamics and contradictions in the Russian political, social and economic systems, and of the revolution as a special way of resolving these contradictions. The 1917 Revolution was a result of the large-scale systemic crisis of Russian society, economy and politics, the preconditions for which had developed by the beginning of the last century, as well as of the failed attempt of modernization “from above” which had been implemented by the authorities of the Russian Empire since the last third of the 19th century. The lack of systemic solutions to the peasant, national and workers “issues” had become a catalytic factor for the revolutionary process in Russia which fundamentally changed the structure and character of Russian society. The Russian revolution had become an attempt of a “modernization leap” to reduce the gap with the leading countries of the world and an attempt to implement the strategy of “alternative modernity” in relation to the capitalist West, which for several decades was an example for a large number of societies and

countries that had chosen a non-capitalist path of development. At the same time, the development potential which was created as a result of such a “leap” was not fully realized in the second half of the 20th century despite a number of significant political, social and economic successes of our country which managed to maintain its sovereign status and the prospect of independent state and political development due to a mobilization scenario and large-scale sacrifices. Ultimately, the defeat of the USSR in the Cold War despite the enormous tension of forces meant a failed attempt to implement its declared alternative to the capitalist path of development. Based on the results of addressing the stated problem, the authors of the article conclude that the potential of such a type of modernization that was implemented by Russia in the 20th century was fully realized, and that our country needs to return to the path of consensual and qualitative evolution which will require an in-depth rethinking of experience of both recent national history and its preceding periods.

Keywords: The October Revolution, systemic crisis, civil war, social transformations, global development

For citation: Biryukov S.V., Andreev A.V., Barsukov A.M., Karpov D.S. (2022) Patterns and paradoxes of the October revolution of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 111–119. doi: 10.17223/19988613/76/13

Дискуссии о месте и роли Октябрьской революции 1917 года приобрели особый масштаб и значимость в год ее столетнего юбилея. При этом спектр исследовательских и экспертных мнений относительно этого крупнейшего события российской и мировой истории оказывается весьма широким.

Для российских либералов характерен известный скепсис в отношении итоговых результатов Октябрьской революции как события, из-за которого Россия сошла с «западного пути» развития, отказалась от капиталистической модернизации и построения общества современного (западного) типа, изолировалась от «остального человечества» и потеряла для себя XX век. Подобной категоричной позиции придерживаются тележурналист и публицист Николай Сванидзе [1] и философ и политолог Александр Ципко [2]. Вместе с тем некоторые исследователи-историки либеральной ориентации говорят о потенциальной многовекторности Октября, допускавшего целый спектр вариантов послереволюционного развития, включая модернизационно-реформаторский, – однако глубина российского кризиса и радикализм большевиков привели к реализации не самого оптимального из сценариев, когда произошли «цивилизационная катастрофа» и «крушение демократической республики» [3]. Можно вспомнить в этой связи и точку зрения известного советского и российского историка Михаила Гелфера, который рассматривал Октябрьскую революцию как трагический процесс, особую форму «катастрофического развития», ставшую реакцией на накопившиеся внутри страны противоречия. По мнению Гелфера, капитализм в царской России явно не создал необходимых условий для перехода к социализму, но перерел для обычной буржуазной революции. Незрелость капитализма на русской почве породила все перегибы и неудачи как произошедшей революции, так и послереволюционного развития, не позволив последней реализовать весь имеющийся у нее конструктивный потенциал – в том числе и потому, что попытка «термидора» (остановки революции), начатая Лениным, не получила своего логического завершения [4].

В свою очередь, в представлении российских марксистов революция 1917 года выступает как событие, в котором проявилось многовековое стремление русского народа к справедливости и равенству, которое в полной мере не удовлетворено и не исчерпано и се-

годня, но должно использовать более современные и эффективные средства, формы и стратегии. Сама Октябрьская революция рассматривается левыми марксистскими теоретиками как средство решения рабочего, крестьянского и национального вопросов в России, а также как первый прецедент социального освобождения в глазах трудящихся всего мира, – так рассуждает современный российский марксистский философ Александр Бузгалин [5].

С точки зрения видного американского специалиста в области исторической макросоциологии и одного из основоположников клиодинамики Джека Голдстоуна, исследовавшего структуру, причины и результаты различных революций, Октябрьская революция – событие всемирно-исторического значения, которое изменило не только Россию и ее отношения с Европой, но и на столетие вперед определило всю глобальную политику в целом [6. С. 9].

В 1917 г. царский режим, существовавший в Российской империи с XVI в., пал, подточенный низким уровнем запоздалой индустриализации и тяжелыми поражениями в войнах – Русско-японской и Первой мировой. В крупнейших городах империи прошли массовые антиправительственные выступления, в результате которых государственная власть пала неожиданно легко. От поддержки режима отказались армия, интеллигенция, чиновничество. В результате развернувшегося политического кризиса монархический режим уступил место неустойчивой многопартийной парламентской демократии (Временное правительство), на смену которой в октябре 1917 г. пришло первое в истории правительство коммунистов-революционеров, попытавшихся реализовать марксистский проект на российской почве (с поправками на специфику страны).

Целью революционеров являлось создание нового «советского человека» с тем, чтобы на смену традиционному русскому обществу пришел руководствующийся научным мировоззрением человек в структуре потенциально бесклассового общества. На месте распавшейся Российской империи возник Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

Революционные преобразования носили весьма жесткий, а временами – и беспрецедентный характер. Острые политические дискуссии внутри партии времен Ленина сменились масштабными сталинскими «чистками», устранившими внутривнутрипартийную оппозицию.

Однако, несмотря на эксцессы и жесткую политику, страна развивалась ранее невиданными темпами. Советский Союз смог выстоять в тяжелейшей ситуации Второй мировой войны, когда стоял вопрос об историческом выживании страны и народа, в послевоенный период сумел в короткие сроки восстановить и запустить промышленное производство, а также распространить свое влияние на ряд стран Восточной Европы. По результатам Второй Мировой войны Советский Союз стал одной из ведущих мировых держав. СССР первым вывел на орбиту искусственный спутник Земли, создал одну из самых многочисленных и сильных армий, реализовал ядерную программу.

При всей своей неоднозначности Русская революция 1917 года изменила социально-политическое развитие не только России, но и всего мира. Она явила собой пример масштабного социального скачка, совершенного не самой развитой страной капиталистической системы, которая под руководством партии авангардного типа осуществила преобразования, вызвав к жизни мощные революционные движения во многих странах «капиталистической периферии». Китайская коммунистическая партия, получив поддержку Советского Союза на начальном этапе масштабных трансформаций, сумела завоевать власть и создать обновленное китайское государство в 1949 г.

Благодаря влиянию и поддержке СССР революционные и национально-освободительные движения одержали победы в рамках «мировой капиталистической периферии» – в Монголии, на Кубе, в Египте, Анголе, Конго, Вьетнаме, Мозамбике, Югославии, Никарагуа, Камбодже, Лаосе, Северной Корее и Афганистане. Во многих странах Европы и Азии возникли коммунистические движения и партии и происходили масштабные выступления, пусть и не закончившиеся победой этих сил. В странах Западной Европы в результате мощной «левой» волны, начавшейся вскоре после окончания Второй мировой войны, у власти на долгое время оказывались партии социал-демократического и социалистического толка, уступившие свое место после спада «левой волны».

Согласно цитируемому нами выше Дж. Голдстоуну, специфика Русской революции заключается в том, что это была первая и имевшая беспрецедентный характер коммунистическая революция, а также в том, что она повлияла на режимы правления во всем мире.

Русская революция имела много общего с другими революциями всемирного масштаба. Она подтвердила известную невозможность избавиться в процессе послереволюционного развития от целого ряда традиционных национальных черт. Помимо этого, Октябрьская революция показала, что на революции всегда влияет международный контекст. Русская революция 1917 года отчасти была вызвана объективным отставанием царской России от Европы, а также слабостью правящей элиты Российской империи перед лицом масштабных внутренних проблем и внешних вызовов. Не менее ярко Русская революция продемонстрировала, что революции часто выдвигают незаурядных лидеров, встающих у истоков новых государственно-политических проектов. Наконец, она показала, что революции,

следующие идеологии разрушения «старого мира», обычно отличаются беспрецедентными проявлениями социального насилия, которое, продвигая общество вперед, имеет весьма неоднозначные последствия для развития социального и культурного капиталов.

Какие же закономерности позволяет нам выявить анализ революционного процесса второй декады XX в. в России?

Во-первых, Октябрь 1917 года — результат сложного общественно-политического процесса, следствие многолетнего системного кризиса (одновременно политического, экономического, социального и идеологического), охватившего все ключевые сферы жизни Российской Империи – идеологию, культуру, политику, систему государственного управления, экономику, социальную сферу.

Во-вторых, осуществление в Российской империи «усеченной модернизации сверху» на рубеже XIX–XX вв., что означало изменение экономического базиса и социальной структуры без изменений в политической системе и системе государственного управления, не разрешило, но обострило существующие социальные противоречия и углубило общий политический и социально-экономический кризис, который трансформировался в социальную революцию.

В-третьих, конфликт между сословно-иерархической структурой общества, поддерживаемой сверху имперским государством, и нарождающимися социальными классами (возникшими в результате капиталистической модернизации буржуазией и интеллигенцией), желавшими большей мобильности, политического представительства и свобод (включая автономный от государства статус), стал ключевым социальным фактором масштабных общественно-политических изменений, принявших революционную форму.

В-четвертых, ключевой социальной предпосылкой Октября 1917 года стала принципиальная нерешенность национального (об автономии для крупнейших нерусских народов империи – поляков, украинцев, балтийских народов, народов Закавказья), крестьянского (крестьяне, несмотря на проведенную реформу 1861 г., в своей значительной части не получили доступа к земле и возможности вести хозяйство интенсивным путем), рабочего вопросов (условия труда и система социальных гарантий для промышленных рабочих в Российской империи заметно отставали от европейских).

В-пятых, революция в России – как в вертикальном организованном обществе – развертывалась «сверху вниз», от центра к периферии, и одновременно продвигалась вглубь, захватывая все новые социальные слои и классы, сферы жизни общества. Начавшись в Петрограде с относительно бескровного свержения Временного правительства, она охватила крупнейшие индустриальные центры России, распространилась на село, охватила национальные регионы, вызвав повсеместно рост активности самых разных социальных и политических сил – как революционных, так и контрреволюционных. Таким образом, развертывание революции «вглубь и вширь» в условиях России неизбежно вело к гражданской войне – в то время как граждан-

ская война способствовала продвижению революции вглубь.

Отдельного и самостоятельного анализа заслуживает кризис, который предшествовал революционным событиям 1917 г. Россия как сложная система, находившаяся в состоянии неустойчивости и перехода, не смогла разрешить актуальные противоречия (как внутренние, так и внешние), которые были актуализированы и дополнительно обострились вследствие вовлечения России в Первую мировую войну без должного анализа ее возможных последствий.

Первое противоречие – между структурами и механизмами служилого государства и стремившимися к автономии классами и сословиями.

В свое время оригинальное и глубокое толкование этой проблемы предложил видный российский политический мыслитель Борис Николаевич Чичерин (1869–1902) – либеральный консерватор, пытавшийся примирить либеральные свободы с идеей сильной государственности. Чичерин исходил из того, что государственность в истории России является главным фактором не только правовых, но и любых общественных перемен. Подобная роль российского государства, по его мнению, была связана с суровой естественной средой, традиционной слабостью в русском обществе начал самоорганизации и самоуправления, а также с необходимостью обеспечения ускоренного развития промышленности, освоения новых территорий, модернизации армии и т.п. Государство, согласно Чичерину, служило организатором общества, побуждая его членов служить национальным интересам «сверху», – что в корне отличало историю России от истории стран Европы. Русское государство изначально возникло как надсословное и в целях общего выживания наложило на все сословия «тягловые обязанности».

В силу описанного выше основное содержание социально-политической истории России состоит в «укреплении и раскрепощении сословий государством». Таким образом, по мере укрепления государства и преодоления народом «анархических наклонностей» стало возможным постепенное освобождение сословий от «государственного тягла». Сначала Жалованной грамотой было освобождено дворянство, затем настала очередь крестьянства, а после этого пришло время освободить весь народ, даровав ему свободу совести, печати, общественного мнения (гласности). Проводником таких реформ и гарантом этих свобод должна стать конституционная монархия, быть лояльной которой обязаны все слои и классы русского общества.

Таким образом, согласно логике Б.Н. Чичерина, незавершенность процесса «освобождения сословий» стала одной из причин революционных изменений, начавшихся в 1917 г.

Второе противоречие – между потребностями общества в модернизации и необходимостью сохранения в равновесном состоянии политической и социально-экономической систем.

Запоздавшие и незавершенные реформы в истории России всегда усиливали противоречия и порождали неравновесность политической и социальной систем.

В этой связи ряд исследователей вполне обоснованно рассматривают Октябрьскую революцию как следствие срыва капиталистической модернизации в России в начале XX в. (реформы премьер-министров С.Ю. Витте и П.А. Столыпина), вследствие чего Россия осуществила модернизацию отличным от большинства стран Запада, догоняющим и мобилизационным социалистическим путем, создав тем самым альтернативный Западу вариант высокоразвитого индустриального общества (модерна), как считает политолог С.Е. Кургиян [7], или же особую модель, соединяющую ценности традиционного русского общества с идеями Просвещения и прогресса, как полагает социолог С. Г. Карамурза) [8].

Третье противоречие – в области культуры, которое существует между европейской цивилизационной «надстройкой», созданной в результате модернизации «сверху», и славянской (славянофилы) или евразийско-идеократической (евразийцы) идентичностью народа.

Данное противоречие особо акцентирует философия евразийства (евразийское течение в русской политической мысли XX в. – от Николая Трубецкого до Александра Дугина). Идеологи евразийства рассматривают Октябрьскую революцию как событие, позволившее России сойти с навязанного ей императором Петром I западного пути развития, который поддерживался насилием и искажил ее культуру. Благодаря Октябрьской революции, по мнению сторонников евразийства, Россия вернулась к более естественному для нее «евразийскому» пути развития и типу культуры, соединяющему в себе славянско-православные и тюркско-мусульманские элементы.

Как полагают евразийцы, все предпринимаемые со времен Петра Великого попытки привить России «чужеродную» российскую культуру породили преимущественно негативные результаты: привели к расколу между европеизированной элитой и основной массой общества, к расходованию впустую творческих сил народа [9]. В силу этого, как полагают евразийцы, началось отторжение «насиленного европеизма» российским обществом, проявившееся в стихийных бунтах Разина и Пугачева. Апогеем этого отрицания «европейского пути» стала Октябрьская революция 1917 года. Последняя разрушила поверхностные и чужеродные для русской «почвы» элементы западной культуры – формы государства, бюрократию, законы, элиту, ее ценности и образ жизни – и, несмотря на явленный ей произвол и насилие, освободила тем самым творческие силы народа [10].

В своем предвосхищении грядущей революции и объяснении ее причин с евразийцами во многом совпадают их традиционные оппоненты в истории русской мысли – славянофилы, представители либерально настроенной дворянской интеллигенции середины и второй половины XIX в., оппониовавшие самодержавной монархии по ряду политических и культурных вопросов. Подтверждением прогностических способностей теоретиков славянофильства является обращение видного идеолога славянофилов К.С. Аксакова (1817–1860) к взошедшему на престол императору Александру Второму с предсказанием неизбежности

революции в случае сохранения «неорганичного правления» («Записка о внутреннем состоянии России», 1855 г.) [11].

По убеждению Аксакова (как и других славянофилов), Россия имеет самобытный путь развития, который предполагает верность «самобытным» учреждениям, и прежде всего крестьянской общине и православной церкви. Помимо этого, по мнению Аксакова, Россия имела свой особый «патриархальный» уклад жизни. При этом все случившиеся в истории смуты были связаны не с изменой власти, а с нарушениями монархией «неписаных прав народа» и покушением на исконный уклад жизни людей. Как полагают славянофильские теоретики, искажения естественного уклада русской жизни произошли из-за реформ Петра I, следствием чего стали введение чужеродного для России крепостного права и создание предпосылок для будущих революционных потрясений. Политическая система абсолютной монархии с ее «немецкой» бюрократией является логическим следствием отрицательных сторон петровских преобразований и «болезненным наростом» на теле страны и народа (славянофилы последовательно осуждали чиновничью бюрократию, царский неправый суд с лихоимством судей, и особенно сильно ополчались на крепостное право). Поэтому, не отказавшись от негативных проявлений «петровского наследия» и не вернувшись на органический путь развития, Россия обречена на «революционные потрясения».

Четвертое противоречие – между привилегированной многонациональной имперской элитой и интересами населявшего империю народа (народов). Российская империя традиционно строилась как империя, управляемая многонациональной элитой, – но не смогла состояться как достаточно гармоничное и устойчивое «сообщество народов».

В этой связи следует вспомнить, что в России никогда не существовало национального государства в европейском смысле, – но именно на рубеже эпохи произошел прямой переход от наднационально-идеократической модели Московского царства к структуре Российской империи. В 1721 г. начинается имперско-бюрократический период развития Российского государства, когда в жертву интересам империи было принесено не только национальное русское начало [12].

Безнациональный характер империи проявлялся во многих моментах. Одна за другой присоединялись к России иноязычные провинции. Их дворянство всемерно привлекалось на государственную службу, и временами, как при Анне Иоанновне, серьезно потесняло и даже вытесняло русскую знать. По мере распространения вольнодумства в высших слоях общества исчезала его последняя живая связь с собственно русской народностью.

Главным принципом государственной идеологии петровской и послепетровской эпох был не этноцентризм (русский национализм), а этатизм, т.е. служение государству, величию Империи. «Русский дух», спаянный православием, хранят только потомки раскольников XVII в, оберегающие старые книги, иконы, обычаи. Таким образом, империя отказалась от выраженного «русского лица» потому, что так было легче

включать в ее состав инациональные и даже иноверные области.

В этой связи известный историк и лидер партии кадетов П.Н. Милюков в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры» отмечал, что «Российская империя, великорусская по происхождению своему, перестала быть таковой по составу своего населения» [13. С. 183–184]. Премьер-министр С.Ю. Витте также писал: «Десятилетиями наша политика строилась на неверном основании: мы не могли осознать, что уже с Петра Великого и с Екатерины Великой нет такого явления, как Россия, но только Российская империя. Когда 35% населения составляют инородцы, а русские разделены на великороссов, белорусов и малороссов, то невозможно осуществлять политику, соответствующую духу XX в., пренебрегая национальными особенностями, религиозным своеобразием, языком... других народов, входящих в Российскую Империю» [14]. Нерешенность национального вопроса и стала одной из причин, приведших к революционным изменениям.

Пятое противоречие – между партийно-политическими амбициями молодой российской буржуазии и ее объективной неготовностью взять на себя ответственность за власть, общество и государство (подобное отмечал в начале XX в. в отношении германской буржуазии М. Вебер).

Напомним, Вебер никогда не скрывал своей ангажированной классовой позиции: «Я член буржуазного класса, чувствую себя таковым и воспитан в его воззрениях и идеалах». В 1895 г. в докладе «Национальное государство и экономическая политика», произнесенном во Фрайбургском университете, Вебер предлагает конкретную политическую программу в этом духе: во имя обеспечения национальных интересов на мировой арене политическое руководство страной должно перейти к буржуазии.

Вебер симпатизировал монархическому принципу, что не помешало ему осуждать внутреннюю и внешнюю политику кайзера. До начала революции в Германии (осень 1918 г.) он считал предпочтительной для своей страны конституционную монархию британского образца, хотя и признавал, что в Германии это нерационально из-за отсутствия согласия в обществе. Вебер писал о парадоксальной ситуации в Германии после ноябрьской революции 1918 г., упразднившей монархию, – когда демократия пришла извне, а поражение в войне снижало шансы Германии на создание эффективного режима, выражающего германские интересы (эти черты сближали Германию с Россией после февраля 1917 г.). Подобная ситуация политической неопределенности сложилась и в России после Февральской революции 1917 г., когда после решения общедемократических задач буржуазная по своему происхождению элита не справилась с решением социально-экономических и политических проблем, уступив инициативу более радикальным политическим силам. Германия на рубеже 1918–1919 гг. также могла пойти по российскому пути, и лишь позиция германских социал-демократов, выступивших в союзе с армией, не позволила свершиться социалистической революции по российскому сценарию.

Шестое противоречие — между нерешенным аграрным вопросом и взятыми на вооружение способами его разрешения.

Реформа Александра II оставила крестьян во временно-обязанном состоянии (выкупные платежи были отменены только после революции 1905 г.) и консервировала сельскую общину, но не смогла остановить процесс ее социального расслоения. Реформа Столыпина — запоздалая попытка демонтажа сельской общины и развития сельского хозяйства по капиталистическому пути, приведшая к усугублению противоречий и социальному взрыву в российской деревне.

В свое время известный английский историк и политический социолог Баррингтон Мур (1913–2005) выдвинул идею о связи между траекторией политического развития страны и избранным ею способом аграрной модернизации. В своей работе «Социальные истоки диктатуры и демократии: помещики и крестьяне в деле сотворения нового мира» (1966) [15], являющейся сравнительным исследованием процесса модернизации в Великобритании, Франции, США, Китае, Японии, России, Германии и Индии, Мур изучал условия социогенеза демократических, фашистских и коммунистических режимов как результат взаимодействия процесса индустриализации и особенностей существующих аграрных режимов. Особое внимание исследователя привлекал процесс трансформации доиндустриальных аграрных общественных отношений в «современные». По результатам проведенных им исследований он выделил так называемые «три пути в современный мир» традиционных обществ — либерально-демократический, фашистский и коммунистический; при этом выбор определенного способа перехода к обществу модерна, избранный той или иной страной, зависел от сроков индустриализации и способов изменения социальной структуры в процессе такого «перехода». Согласно Муру, Россия, избравшая долгий путь трансформации сельского хозяйства с фактическим сохранением земельных владений за дворянами, породила специфический союз между крупным промышленным капиталом и дворянским землевладением, который мог быть преодолен лишь путем коммунистической революции.

Таким образом, в ситуации незавершенной модернизации (перехода к обществу современного типа) правящая элита Российской империи не смогла найти эффективного способа разрешения внутренних противоречий и лишь усугубляла их своей непоследовательностью и целым рядом непродуманных решений, все глубже погружая в кризис политическую, экономическую и социальную сферы. В ситуации масштабного внутреннего напряжения империя включилась в 1914 г. в мировую войну и не смогла успешно и долго функционировать в мобилизационном режиме. Патерналистская имперско-бюрократическая модель не способствовала успешной реализации стратегий антикризисного регулирования (впрочем, с этой задачей в тот период не справились и некоторые другие европейские монархии, в частности германская и австрийская). Та политика, которая в течение многих десятилетий была эффективной в условиях иерархически

организованного и разделенного на категории с помощью сословных перегородок общества, оказалась неэффективной в ситуации, когда иерархические перегородки в результате протекающей модернизации стали размываться и исчезать, а новые социальные слои и классы требовали принятия во внимание своих социальных интересов и политических требований.

Октябрьская революция 1917 года, ставшая особым способом разрешения накопившихся в России как сложной системе внутренних противоречий, сопровождалась целым рядом парадоксов, анализ которых позволяет глубже понять ее природу и сущность. В чем же состояли указанные парадоксы?

Во-первых, Октябрь 1917 года формально явился «нарушением всех исторических законов», поскольку не соответствовал сформулированным 2-м Интернационалом «революционным условиям» (согласно им, пролетариат не должен брать власть, пока не станет большинством в стране). Подобное мнение было тогда распространено среди видных представителей марксистской мысли. Революция 1917 г. была оценена одним из крупнейших российских теоретиков марксизма Г.В. Плехановым отрицательно, поскольку он усмотрел в ней «нарушение всех исторических законов и большевистский волюнтаризм». Такую позицию Плеханов занял в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, когда написал, что «русская история все еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся...» [16].

Оппонент Плеханова, ключевой идеолог и стратег большевизма В.И. Ленин попытался компенсировать отсутствие социально-экономических условий за счет преувеличения роли собственно политического фактора. По мнению Ленина, партия нового типа — тот фактор, который позволит консолидировать пролетариат и совершить успешную революцию в России вне зависимости от наличия социально-экономических предпосылок. Согласно подходу Ленина, социалистическая революция в России должна произойти до создания объективных предпосылок для перехода к социализму: завоевав власть, пролетариат во главе с партией большевиков должен создать предпосылки для такого перехода.

Во-вторых, революция 1917 г. произошла в России — «слабом звене мировой системы капитализма» (В.И. Ленин) — поскольку российские большевики, совершая революцию, рассчитывали на поддержку более развитых капиталистических стран Запада после скорой победы мировой пролетарской революции, которая в итоге не произошла, и России и возникшему позже СССР пришлось реализовать стратегию «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

В-третьих, Советский Союз как проект нового социалистического государства формально являлся реализацией общего политического замысла Ленина, определившего некоторые общие принципы нового общественного устройства, при этом как содержательный проект СССР являлся результатом политики

И.В. Сталина, соединившего частичную консервативную реставрацию («термидор») и глубокую социально-экономическую модернизацию (коллективизация, индустриализация, культурная революция) [17].

В-четвертых, российская революция, ставившая своей целью разрушение государства – Российской империи, привела в итоге к созданию еще более мощного государственного образования – мировой державы СССР. Первоначальный антиэтатизм многих лидеров большевистской партии трансформировался в гиперэтатизм сталинской эпохи, когда государство с его ресурсами и инструментами стало главным инструментом масштабных социально-экономических преобразований.

В-пятых, Октябрь 1917 года, разрушив до основания политическую и социальную структуру Российской империи, привел к воссозданию имперской структуры служилого типа на качественно новой основе в рамках системы государственного управления СССР, в которой проявился ряд черт традиционной империи. Ядром этой служилой структуры стала сформированная Сталиным партийно-хозяйственная номенклатура, которая эволюционировала и трансформировалась в постсталинский период. Таким образом, революция 1917 г., разрушив до основания прежнюю сословно-иерархическую структуру русского общества, привела к созданию новой иерархической системы, поддерживаемой государством.

В-шестых, революция 1917 г., вызванная неудавшаяся модернизацией сверху начала XX в., создала в итоге предпосылки для более глубокой и последовательной модернизации 1930-х гг. (консервативная модернизация Сталина на основе базовой идеи построения социализма в одной отдельно взятой стране, которая не могла осуществляться иначе как мобилизационным путем). Феномен сталинской модернизации, в свою очередь, требует дополнительного анализа.

Для сталинской стратегии модернизации были свойственны такие черты, как этатизм, макиавеллизм, технократизм, державность, демонстративная русофилия, что заметно отличалось от изначального плана социалистических преобразований, выдвинутого Лениным. Так, еще 6 июля 1933 г., принимая делегацию художников, Сталин произнес первый тост за русский народ, в котором сказал: «Самый лучший народ – русский народ, самая советская нация». Еще более укрепила консервативно-имперскую стратегию и пропаганду Великая Отечественная война 1941–1945 гг., в ходе которой утвердилась почти царская армейская форма с золотыми погонами, произошло возвеличивание военачальников и правителей Старой Руси — Кутузова, Нахимова, Суворова, адмирала Ушакова, Дмитрия Донского, Петра Первого, Александра Невского.

Логика инициированных Сталиным преобразований укладывается в жесткую схему: для геополитического выживания России на фоне неизбежно надвигающейся войны необходимо преодоление в краткие сроки социально-экономической отсталости («Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сде-

лаем это, либо нас сомнут»), для чего необходимы мобилизация ресурсов общества в руках государства (свертывание НЭПа) и перераспределение их в пользу тяжелых отраслей промышленности и военного производства (отсюда коллективизация и ограбление деревни – «переход к колхозам является решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»); подобная экономическая мобилизация неизбежно приводит к становлению режима единоличной власти и свертыванию элементов демократии внутри партии и страны, практике репрессий, для оправдания которых используется тезис «о неизбежном обострении классово-вой борьбы по мере продвижения к социализму».

В правление Сталина ценой гигантских человеческих жертв и потерь для страны удалось решить ряд ключевых проблем, не решавшихся в комплексе со времен правления императора-реформатора Петра I: преодоление экономической отсталости от ведущих стран мира, превращение страны из аграрной в индустриальную (по крайней мере в области тяжелой промышленности); развитие высоких технологий (ядерная и космическая программы); осуществление культурной революции, создание развитой науки и системы массового доступного образования; заслуженный статус победителя в войне глобального масштаба, превративший страну в мировую державу и обеспечивший ей международное влияние и безопасность как минимум на 40–50 лет, что позволяло проводить масштабные и качественные социально-экономические преобразования, от которых, к сожалению, отказалось постсталинское руководство СССР, продолжавшее действовать в инерционном и экстенсивном ключе.

После смерти Сталина в 1953 г. созданная им для решения задач ускоренного развития и обороны мобилизационно-этатистская система себя исчерпала, и стала необходима ее постепенная трансформация на рыночных и правовых началах (по примеру реформ в Китае). Однако сменившие И.В. Сталина лидеры либо занимались идеологическими и экстенсивными проектами (Н.С. Хрущев с его экстенсивными экономическими проектами и во многом непродуманными управленческими экспериментами), либо просто «замораживали» систему вместе со всеми ее противоречиями (Л.И. Брежнев и инициированный им «застой»). Лишенная стимулов развития (и силовых, и идеологических), советская система неизбежно деградировала и пришла к своему крушению. В правление М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина страна, не достигнув реальной демократии и экономического процветания, в процессе стихийных и непродуманных трансформаций в значительной степени растратила то, что было создано в сталинские годы ценой колоссальных жертв и потерь, равно как и подвигов и героических свершений – промышленный, военный, научно-технический потенциал, систему безопасности и статус мировой державы. Политические изменения после 2000 г. были вызваны социальным запросом на ревизию подобного политического курса.

Помимо внутривнутриполитической значимости, Октябрь 1917 года породил тектонические изменения в структуре миропорядка. Октябрьская революция изменила

тренды политического развития России и всего мира. Благодаря Октябрю идея социальной справедливости прочно утвердилась в российской политической культуре, идеологии и политическом мировоззрении, – как бы ни оценивали данное обстоятельство представители различных политико-идеологических направлений. Помимо этого, российская революция дала мощный толчок мировому революционному и национально-освободительному движению, выведя его на более высокие уровни и масштабы и позволив превратиться в мощную силу социальных перемен. Одновременно со стимулированием новых политических практик она дала стимул для развития международного «левого» движения и «левой» мысли, что способствовало творческому обновлению многих политических доктрин и учений данного толка.

Помимо этого, следует помнить, что, хотя социальная революция в странах Запада не состоялась, под

влиянием опыта и практики Октября западные страны долгое время оставались в состоянии острого политического и социального напряжения, что побуждало их к социальным реформам в интересах широких слоев населения. Наконец, именно опыт и влияние Октября привели после окончания Второй мировой войны к поляризации мира на две системы и возникновению биполярной конфигурации (разделению мира на два лагеря) – подобное разделение способствовало известной долговременной стабилизации системы международных отношений.

Повторение революций, подобных Октябрю 1917 года, едва ли возможно. Однако изучение истоков, характера, результатов и опыта порожденных российской революцией начала XX в. политических и социально-экономических трансформаций способно существенно обогатить современные общественные и гуманитарные науки.

Список источников

1. «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе – гражданская война // Военная хроника. 2012. URL: https://voenkhronika.ru/publ/grazhdanskaja_vojna_v_rossii/quot_istoricheskie_khroniki_quot_s_nikolaem_svanidze_grazhdanskaja_vojna_rossija_9_serij_2005_2007_god/7-1-0-1133 (дата обращения: 14.07.2021).
2. Ципко А.С. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 173–204.
3. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–28.
4. Павловский Г., Гефтер М. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах // Гефтер.ру. 2016. 2 дек. URL: <http://gefter.ru/archive/20282> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Бузгалин А. Октябрьская революция 1917: как это было. Демифологизация // Комсомольская правда. 2015. 19 нояб. URL: <https://www.kp.kz/radio/26511/3524485/> (дата обращения: 14.07.2021).
6. Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 192 с.
7. Кургинян С.Е. Россия и агония модерна // СССР 2.0. URL: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich/307-analitika-sudby-rossiya-i-agoniya-moderna> (дата обращения: 14.07.2021).
8. Кара-Мурза С.Г. Социализм и коммунизм в России: история и перспективы // Новый социализм – XXI век. URL: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (дата обращения: 14.07.2021).
9. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Наш современник. 1992. № 2. С. 160–163.
10. Сувчинский П.П. К преодолению революции // Наш современник. 1992. № 2. С. 153–159.
11. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России (1855) / Аксаков К.С. Сочинения // Библиотека Максима Мошкова. 2017. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (дата обращения: 14.07.2021).
12. Зубов А.Б. Третий русский национализм // Знамя. 1993. № 1. С. 146–178.
13. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Тип. Александрова, 1909. Ч. 1. 316 с.
14. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–53.
15. Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966. 559 p.
16. Плеханов Г.В. Логика ошибки // Нестор: электронная библиотека. URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (дата обращения: 14.07.2021).
17. Бутенко А.П. Откуда и куда идём? Л.: Лениздат, 1990. 287 с.

References

1. Voenkhronika.ru. (2012) “*Istoricheskie khroniki*” s Nikolaem Svanidze – *grazhdanskaya vojna* [“Historical Chronicles” with Nikolai Svanidze – Civil War]. [Online] Available from: https://voenkhronika.ru/publ/grazhdanskaja_vojna_v_rossii/quot_istoricheskie_khroniki_quot_s_nikolaem_svanidze_grazhdanskaja_vojna_rossija_9_serij_2005_2007_god/7-1-0-1133 (Accessed: 14th July 2021).
2. Tsipko, A.S. (1990) Khoroshi li nashi printsipy? [Are our principles good?]. *Novyy mir*. 4. pp. 173–204.
3. Medushevskiy, A.N. (2007) Prichiny krusheniya demokraticheskoy respubliki v Rossii 1917 goda [Causes of the collapse of the democratic republic in Russia in 1917]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 3–28.
4. Pavlovskiy, G. & Gefter, M. (2016) 1917: *neostanovlennaya revolyutsiya. Sto let v sta fragmentakh* [1917: an unstoppable revolution. A hundred years in a hundred fragments]. 2nd December. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/20282> (Accessed: 14th July 2021).
5. Buzgalin, A. (2015) Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917: kak eto bylo. Demifologizatsiya [The October Revolution of 1917: how it was. Demythologization]. *Komsomol'skaya pravda*. 19th November. [Online] Available from: <https://www.kp.kz/radio/26511/3524485/> (Accessed: 14th July 2021).
6. Goldstone, D.A. (2015) *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.
7. Kurginyan, S.E. (n.d.) *Rossiya i agoniya moderna* [Russia and the Agony of Modernity]. [Online] Available from: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich/307-analitika-sudby-rossiya-i-agoniya-moderna> (Accessed: 14th July 2021).
8. Kara-Murza, S.G. (n.d.) *Sotsializm i kommunizm v Rossii: istoriya i perspektivy* [Socialism and communism in Russia: history and prospects]. [Online] Available from: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (Accessed: 14th July 2021).
9. Trubetskoy, N.S. (1992) My i drugie [We and others]. *Nash sovremennik*. 2. pp. 160–163.
10. Suvchinskij, P.P. (1992) K preodoleniyu revolyutsii [To overcome the revolution]. *Nash sovremennik*. 2. pp. 153–159.
11. Aksakov, K.S. (2017) *Sochineniya* [Works]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (Accessed: 14th July 2021).
12. Zubov, A.B. (1993) Tretiy russkiy natsionalizm [Third Russian nationalism]. *Znamya*. 1. pp. 146–178.
13. Miluykov, P.N. (1909) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. St. Petersburg: Tip. Aleksandrova.
14. Ananich, B.V. & Ganelin, R.Sh. (1990) Sergey Yul'evich Vitte [Sergei Yulievich Witte]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 32–53.

15. Moore, B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
16. Plekhanov, G.V. (n.d.) *Logika oshibki* [The logic of the error]. [Online] Available from: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (Accessed: 14th July 2021).
17. Butenko, A.P. (1990) *Otkuda i kuda idem?* [Where are we from and where are we going?]. Leningrad: Lenizdat.

Сведения об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай); Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия); Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: birs.07@mail.ru

Андреев Андрей Владимирович – кандидат политических наук, директор ГТРК «Кузбасс» (Кемерово, Россия). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Барсуков Александр Михайлович – кандидат политических наук, доцент Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия). E-mail: amb2@inbox.ru

Карпов Дмитрий Сергеевич – аспирант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия). E-mail: Dmitry42k20@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov Sergey V. – Doctor of Political Science, Professor, Center for Russian Studies, East China Normal University (Shanghai, China); Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation); Department of Political Science of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: birs.07@mail.ru

Andreev Andrey V. – Candidate of Political Science, Director of Kuzbass State Television and Radio Broadcasting Company (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Barsukov Aleksandr M. – Candidate of Political Science, Department of State and Municipal Administration of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: amb2@inbox.ru

Karpov Dmitriy S. – graduate student, Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Dmitry42k20@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 22.03.2021; accepted for publication 22.02.2022